

Певческие биеннале Веч. клуб. — 1996.

20 февр. — с. 7.

Как любой баритон, Путилин любит Верди

Представляя Николая Путилина в серии концертов "Певческие биеннале", Ирина Архипова словно извинялась за нарушение условия фестиваля — приглашать в Москву певцов, давно уехавших работать за границу. Николай Путилин никуда не уезжал. Но Москву, увы, своим появлением радует не часто, если не сказать совсем редко.

Окончив Красноярский институт искусств, он семь лет работал в Казанском оперном театре и вот уже четвертый сезон поет в Мариинке. Поет, по его собственным словам, "все": Исканана, Скарпиа, Амонасро, Фигаро, Томского... В недавней премьере — "Князе Игоре" — поет самого Игоря. Впереди — Мазепа и, может быть, Яго. Не правда ли, удачная творческая судьба?

Впрочем, самой большой удачей певец считает работу в Мариинском театре с Валерием Гергиевым. "Мариинка — лучший театр в мире, — таково его искреннее убеждение. — Все мои творческие планы сегодня так или иначе связаны с этим театром, и, хотя у меня есть индивидуальные контракты с разными театрами мира, ни на какой другой сцене постоянно я себя не мыслю. Ибо лучшая труппа и лучший оркестр — в Мариинке, у Гергиева". Так началась пресс-конференция Николая Путилина в Международном Союзе музыкальных деятелей.

— Что вы предпочитаете петь?

— Все. ("Потому что он действительно может все", — комментирует сидящая рядом Архипова). Пожалуй, только очень подвижные партии, например, у Россини, немного сложноваты.

— Ваш любимый композитор?

— Ну это вам любой баритон ответит — Верди. И еще Рубинштейн.

Центром первого отделения концерта стали великолепно исполненные романсы Демона. И если второй романс открыл нам поэта и лирика, то в третьем обнажилась трагедия одиночества, переживания отнюдь не романтического героя, стоящего над миром, но терзания зрелой опустошенной души. А с последним аккордом этого трагического, глубоко пережитого признания Демона — "Я тот, кого никто не любит" — на сцене опять оказался Николай Путилин, и на лице его сияла неизменная улыбка.

Впрочем, как кажется лично мне, наиболее близки самому певцу — по внутреннему настрою — действительно герои Верди: эмоциональные, откры-

то-страстные. Таковы его Ренато и дон Карлос, представленные ариями в концерте. Таков и его Амонасро (премьеру "Аиды" с участием Путилина москвичи имели возможность видеть летом по РТР). Амонасро в его исполнении — настоящий, подлинный дикарь, импульсивный, открытый, равно способный на искренность и на хитрость, и простодушно, по-детски радующийся удачному исполнению задуманного плана. С какой гордостью (и вместе с тем как лукаво!) он восклицает "Я — эфиопский царь!" Эта жизненная сила, через край переполняющая его героя, в полной мере свойственна самому Николаю Путилину. В него — бесконечно обаятельного, невысокого и крепко сложенного — нельзя не влюбиться и влюбляешься сразу.

Его улыбка освещает не только его лицо, но и сцену, и зал, проникает в душу каждого и согревает ее. А если правда, что глаза — зеркало души, то душа Николая Путилина открыта и сияет фантастически ярко. И так же ярко сверкает и переливается его голос.

Петь для него — не работа, а естественный способ жизни. Ибо ни одна работа не бывает такой изящной, легкой, радостной и естественной.

Вручая ему Жар-птицу, статуэтку-символ фестиваля, Ирина Архипова не перечисляла титулов и достижений, не называла спетых партий и сыгранных спектаклей. Ее поздравление было кратким: "За красивое пение, за большие успехи, за огромное признание — дорогая наша Жар-птица!"

Татьяна ШЕХТМАН.
Фото
Евгения БУРМИСТРОВА.

69